

Коновалов А. А. Кризис легитимации власти 1825 года в России и попытка его преодоления // А. А. Коновалов, А. А. Хачетлова // Научный диалог. — 2016. — № 1 (49). — С. 212—224.

УДК 94(47).073

Кризис легитимации власти 1825 года в России и попытка его преодоления

© Коновалов Андрей Анатольевич (2016), кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории России, Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова (Нальчик, Россия), homunculus2@yandex.ru.

© Хачетлова Амина Аслановна (2016), магистрант направления «История», Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова (Нальчик, Россия), amina-hachetlova@mail.ru.

Рассматриваются механизмы диалога между верховной властью и обществом в России второй четверти XIX века. Описываются принципы легитимации политической власти и процесс трансформации общественной мысли. Указывается на то, что рассматриваемый период характеризуется амбивалентностью общественно-политической ситуации: с одной стороны, существовала строжайшая цензура и контроль над всеми сферами жизни российского общества; с другой — предпринимались явные попытки модернизации социально-экономической и политической системы России. Отмечается, что в период царствования Николая I правительственная система, опиравшаяся на охранительные принципы, являлась одной из самых последовательных попыток сохранить правомерность абсолютной власти. При этом, несмотря на широко распространенное мнение о политике правительства Николая I как политике застоя, утверждается, что, в первой половине XIX века государственный строй продолжал эволюционировать, поскольку предпринимались попытки социально-экономических изменений. Однако в условиях кризиса крепостнической системы принятые формы охранительно-бюрократической системы смыслов, навязываемых обществу, оказались малоэффективными. Делается вывод о том, что во второй четверти XIX века во внутренней политике, проводимой правительством Николая I, было заложено неустрашимое противоречие: попытка провести реформы и одновременно отказ от серьезных перемен.

Ключевые слова: легитимация; кризис легитимности; личность; государство; консервативный курс; идеология официальной народности; интеллигенция; правительственная система.

1. Введение

Политическая история в последние годы дополнилась новыми сюжетами и методами исследования. Следствиями антропологического поворо-

та, произошедшего в исторической науке в целом и, в частности, в политической истории, стали актуализация «человеческого измерения» политики и наполнение новым содержанием традиционных объектов изучения. Интерес ученых все чаще обращается к сфере идей и представлений. В частности, изучение механизмов легитимации власти и ее диалога с обществом представляется является одним из актуальных исследовательских направлений в современной науке.

Исторический процесс есть специфический процесс коммуникации, вмещающий в себя диалоги разного типа. Между властью и обществом происходит своеобразное общение, в ходе которого порождаются особые смыслы. Власть создает некий образ, или имидж, с помощью которого легитимирует свои действия, общество отвечает на эти действия определенной реакцией.

По словам Дэвида Битэма, «для полной легитимации власти необходимо наличие трех обстоятельств: ее соответствие признанным нормам; обоснованность этих норм коллективными убеждениями; выраженное согласие подчиненных или наиболее важных из них с определенными отношениями власти» [Beetham, 1991, p. 19]. Таким образом, легитимация государственной власти представляет собой детерминированный процесс, включающий в себя две составляющие, два вектора. Первый вектор направлен «сверху вниз»: в этом случае речь идет о самопрезентации власти, ее рациональном самообосновании. Второй — направлен «снизу вверх»: предполагает признание власти объектами властвования.

Кризис легитимности государственной власти наступает как результат нарушения ценностных механизмов «самооправдания» государственной власти, когда утрачивается национально-государственная идея или эта идея перестает выполнять свойственные ей функции: служить апологией существующего политического режима и социального порядка; определять консолидирующие цели «общего дела» и т. д. [Ланцов, 1995, с. 86].

2. Самопрезентация власти

Переломным моментам в российском обществе всегда предшествовал кризис легитимности государственной власти. С началом XIX столетия «дух времени» подверг существование самодержавного государства тяжелым испытаниям и приблизил неминуемое крушение всей прежней крепостнической системы. Этот кризис сопровождался усилением консервативных элементов как в национально-государственной идее, так и во внешней и внутренней политике.

Очевидные признаки неспособности самодержавия существовать в прежнем виде, без коренных изменений, стали явственными в конце пер-

вой четверти XIX века. Зарождение идей, и организационное оформление декабризма, и, наконец, само восстание 14 декабря 1825 года были серьезными свидетельствами явного нарастания кризисных явлений во всех сферах российского общества, что уже «осознавалось передовой частью общества, и не только ею» [Мироненко, 1990, с. 3]. Возможно ли в абсолютистском государстве более очевидное и убедительное свидетельство если не кризиса всей системы, то, по крайней мере, начала этого процесса, чем признание самим носителем верховной власти несоответствия требованиям времени социальных, политических и идейных основ бытования государства и общества — абсолютной монархии и крепостного права? Очевидно, нет. В то время и перед верховной властью, и перед обществом со всей остротой встал вопрос о правомерности существования неограниченной монархии и крепостного строя.

Государственная власть в выполнении своих функций предпочитала основываться не на силе, а на легитимности, то есть на добровольном согласии или даже солидарности «управляемых» [Мироненко, 1989, с. 6]. Возникло и утвердилось (правда, в достаточно узком кругу) сознание необходимости и неотвратимости коренных преобразований. Однако «намерение решить самые жгучие проблемы российской действительности — судьбу крепостного права и неограниченного самодержавия — было скрыто за плотной завесой тайны» [Мироненко, 1990, с. 4].

Если судить по внешним проявлениям, то «из-за отсутствия открытых дебатов вплоть до 14 декабря 1825 года могло казаться, что в России нет никакой серьезной оппозиции правительственной политике» [Мироненко, 1990, с. 5].

Ключевое понятие, которое описывало стиль царствования Романовых до 1825 года, — эксцесс, то есть крайнее проявление власти, злоупотребление ею. Образ «законного царя», следующего, в отличие от деспота, законам (которые при этом, правда, принимаются с его санкции или вообще иницируются им), складывается в эпоху Николая I. «Правомерная монархия» подразумевает не только легитимность самодержца, но и регламентирующую правовую базу правления. Период, когда государь опирался на сменяемых фаворитов, которые зависели от царской милости, но при этом могли свергнуть царствующую персону, заменив ее другой, ушел в прошлое. Николай I создает «безликую государственную машину, основанную на регламентации и порядке, которая должна пережить его самого и перейти к наследнику» [Успенский, 2002, с. 397]. При этом государственный строй продолжал эволюционировать в сторону правомерной монархии благодаря тому, что самодержавие самоограничивалось законом, который

оно само творило, и делало все возможное для развития правомерного бюрократического управления, неуклонно предпринимало попытки ввести перемены «как в системе, так и людях», опираясь на правосудие [Мионов, 2003, с. 147].

К моменту вступления императора Николая на престол в положении дел внутри страны и в ходе внутреннего управления накопилось много сложных, неблагоприятных обстоятельств, создававших чрезвычайно запутанное положение. Идеалы передовой части общества фактически шли вразрез с реакционным направлением правительства [Корнилов, 1993, с. 127]. Известно, что исключительные обстоятельства, при которых Николай Павлович вступил на престол, подтолкнули членов тайных обществ к преждевременному публичному выступлению. Царю необходимо было «обнаружить все корни крамолы, добиться всех причин недовольства» [Гершензон, 2001, с. 163].

В манифесте, изданном по случаю коронации 13 июля 1826 года, император обещал провести ряд реформ, и вряд ли можно сомневаться, что у Николая I в начальный период царствования были преобразовательные намерения. В то же время «важнее и труднее политических и административных задач, стоявших перед императором, были социально-экономические задачи, назревшие ко времени его царствования под влиянием развития общего социального процесса в России» [Корнилов, 1993, с. 129].

Николай Павлович считал, что сам он является первейшим слугой государства и что, посвящая всего себя государству, он имеет право требовать того же от народа, который должен служить по его указаниям высшему авторитету и согласно строгой дисциплине. Это убеждение и служило обоснованием его абсолютизма, который развивался по нарастающей в течение всего периода его царствования, «переходя все более в простое самовластие и деспотизм» [Тарасов, 2000, с. 236].

Если говорить о характере взаимоотношений личности и государя в предшествующие николаевскому периоды, можно сказать, что отношения эти строились по религиозной модели. Отношение к царю было подобно религиозному отношению к Богу. Теперь, в николаевскую эпоху, на смену религиозной модели, обращающейся к трансцендентному началу, неким высшим смыслам, приходит модель магическая. Она основана на представлении о том, что желаемый результат связан главным образом с правомерным, соответствующим детальным и точным инструкциям поведением. Персонифицированные отношения «государь — подданный» сменяются деперсонифицированной системой «подданный — государство». В новых условиях, разумеется, возможен личный контакт с царем,

но царь — в подавляющем большинстве случаев — уже не волен изменить им же самим установленный порядок [Успенский, 2002, с. 398].

Начальный период царствования Николая может быть охарактеризован как преобразовательный, по крайней мере, не антагонистичный прогрессу. Вместе с тем характерной чертой этого периода являются удивительные противоречия и колебания, которые еще больше усиливались «из-за отсутствия определенного плана реформ и достойных сотрудников» [Корнилов, 1993, с. 134]. Для выработки общего плана преобразований 6 декабря 1826 года был учрежден специальный комитет, однако «его деятельность через 4 года окончательно замерла и не имела конкретных результатов» [Мироненко, 1989, с. 48].

Новый император попытался организовать и руководство высшей (политической) и тайной полицией в стране, считая организацию полицейского надзора в государстве одним из важнейших государственных дел. Исходя из этих соображений, 25 июня 1826 года был издан указ об образовании особого корпуса жандармов, который представлял собой самостоятельное учреждение и возглавлялся генерал-адъютантом А. Х. Бенкендорфом. Граф Бенкендорф, в котором Николай видел надежную опору, писал: «Прошедшее России было удивительно, ее настоящее более чем великолепно, что же касается ее будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение» [Корнилов, 1993, с. 138]. Так, в качестве фактора легитимации довольно часто использовался наигранный оптимизм.

Важным вопросом в жизни государства, привлекавшим особое внимание Николая Павловича с самого начала правления, был вопрос народного просвещения. Для императора важно было так организовать народное просвещение, чтобы оно «давало будущим гражданам желательное правительству направление умов, чтобы оно воспитывало верных и скромных слуг государства в каждом сословии и тем самым давало бы устойчивость основам существующего государственного устройства, большую, чем та, какая была до тех пор» [Зорин, 2001, с. 272]. Однако реформа некоторых учреждений, которые ее настоятельно требовали, продолжалась, но без проведения каких-нибудь кардинальных преобразований.

Разлад и противоречие между процессами развития страны и крепостным правом было главной особенностью развития государства в первой половине XIX века. И политические, и экономические, и моральные условия, и соображения государственной безопасности, и выгоды самих землевладельцев, и требования нравственного чувства одинаково выводили на первый план крестьянскую реформу [Кизеветтер, 1916, с. 170]. Крестьянские выступления, которые имели место в первый же год царствования Ни-

колая, впоследствии постоянно повторялись, не давая правительству переступить через те язвы крепостного права, которые в то время уже громко заявляли о своем существовании. Кроме того, «крепостной труд в существенной мере сделался невыгодным для помещиков» [Там же, с. 145].

Все эти обстоятельства, органическим путем подтачивавшие крепостнический строй, приводили самих дворян-владельцев крепостных к мысли о том, что конец его не за горами. В 1827 году был издан закон, силой которого помещики были лишены права обезземеливать своих крестьян продажей земли без крепостных душ. Другим актом было запрещено отправлять своих крепостных крестьян на горнозаводские работы. Наряду с этим «была запрещена отдача крестьян во временное владение лицам, не имевшим права владеть крепостными» [Корнилов, 1993, с. 154]. Законы эти, конечно, теоретически были весьма важны, но надо сказать, что выполнение их было ниже всякой критики, вследствие чего существенного значения они не имели. В конечном счете результаты деятельности выше-названного комитета в деле непосредственного регулирования крепостного права и его отношений этим и исчерпываются.

П. Д. Киселев, на которого с 1834 года была возложена функция осуществления мероприятий по крестьянскому вопросу, пытался улучшить положение казенных крестьян. Были введены элементы самоуправления (окружные управления), однако над ними, с правом, в сущности, неограниченного вмешательства в их хозяйственную и домашнюю жизнь, были поставлены окружные начальники [Корнилов, 1993, с. 157].

Министр финансов Е. Ф. Канкрин также предложил расширить крестьянское самоуправление. Но и эта «реформа» имела чисто бюрократический и паллиативный характер: крестьяне из-под контроля одних чиновников лишь попали под контроль других. В итоге налицо было то обстоятельство, что вся эта система опеки только ставила крестьян в еще более подневольное положение, поскольку специальным делом назначенных чиновников была именно всесторонняя опека над крестьянами. Самым, может быть, значительным из всех предприятий, осуществленных Канкриным, явилась денежно-кредитная реформа (1839—1843 годов), способствовавшая укреплению финансовой системы страны. Однако нововведения во внутриполитической жизни не смогли разрушить консерватизма политики царизма. Кризис крепостнической системы проявлялся во всех сферах общественной жизни, и этот важный «вопрос затянулся до конца царствования Николая» [Мироненко, 1990, с. 181]. По меткому замечанию А. С. Кизеветтера, «русское правительство пыталось решить квадратуру круга, то есть произвести реформы, ничего не реформируя» [Кизеветтер, 2006, с. 440].

Идеологическое самооправдание консервативного политического курса Николая I осуществлялось на основе попытки доказать, что российская действительность не дает оснований для зарождения «крамольного» образа мыслей, что все они появляются в стране под влиянием западноевропейских освободительных идей. Посему была создана новая национально-государственная идея, которая систематически внедрялась в школах, университетах, а через печать — в массовое сознание. Разработанная министром народного просвещения графом С. Уваровым, она получила название «теории официальной народности». Главной целью этой идеологии являлось «воспитание преданного самодержавию молодого поколения». Являясь апологией консервативного политического режима, теория выступала в качестве фактора его легитимации: существующие в стране порядки считались настолько благоприятными, что в условиях полной гармонии между государственной властью и обществом ничего не надо ни менять, ни совершенствовать. Показательно, что 5 апреля 1834 года А. В. Никитенко заносит в свой дневник следующую запись: «Сначала мы судорожно рвались на свет. Но когда увидели, что с нами не шутят, что от нас требуют безмолвия и бездействия, что талант и ум осуждены в нас цепенеть и гноиться на дне души, что всякая светлая мысль является преступлением против общественного порядка, — когда, одним словом, нам объявили, что люди образованные считаются в нашем обществе париями, что оно приемлет в свои недра только бездушную покорность, а солдатская дисциплина признается единственным началом, на основании которого позволено действовать, — тогда все юное поколение вдруг нравственно оскудело» [Никитенко, 2005, с. 143].

Уваровская программа оказала значительное влияние на формирование Российской империи как теократического и национального монархического государства и, в конечном счете, на формирование русской интеллигенции.

Поскольку Николай Павлович связывал вопрос о направлении народного образования или, вернее, воспитания с направлением политической мысли, Уваров, видевший в охранительных началах православия, самодержавия и народности вернейший залог спасения и величия отечества, «стал истинным выразителем его воззрений» [Зорин, 2001, с. 290].

3. Власть и общество: борьба смыслов

После 14 декабря 1825 года мыслящее общество было ослаблено. В лице репрессированных декабристов оно потеряло лучших своих представителей. Строгость наказания терроризировала и оставшихся; на вре-

мя она «заглушила всякие попытки свободного выражения своих мыслей» [Ковалевский, 2010, с. 473]. «Нынче кто благороден и неблагоразумен — тот гибнет», — заносит в свой дневник А. В. Никитенко 12 ноября 1826 года [Никитенко, 2005, с. 36].

Мыслящую прослойку общества первой половины XIX века А. В. Соколов анализирует как «пушкинско-гоголевское поколение интеллигенции» [Соколов, 2009, с. 300—350]. Уже в то время начинал формироваться проявившийся в полную силу впоследствии феномен, описанный П. Н. Милуковым как «антигосударственность интеллигенции». Эта конфронтация, по его мнению, явилась следствием политики самого государства: «оно деформирует психологию мыслящей части общества, готовой предложить свои ум и силу отечеству, но вытесненной гиперэлитарной системой, действующей независимо от общества на обочину общественной жизни» [Милуков, 1991, с. 335].

Можно сказать, что интеллигенция появилась как реакция на реакцию. Журналы «Московский телеграф» (1825), «Московский вестник» (1826), «Телескоп» (1831) были органами прогрессивной мысли и транслировали в русское образованное сословие идеи и смыслы, бытовавшие тогда в Европе и определявшие ее культурно-идеологический климат. Поэтому немудрено, что «цензурное ведомство относилось к ним с особым недоверием» [Гершензон, 2001, с. 435]. Впечатление разорвавшейся бомбы на государство и общество произвело опубликованное в журнале «Телескоп» в 1836 году «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева [Корнилов, 1993, с. 214]. Письмо явило собой самый резкий и смелый протест против идеологии «официальной народности». В своем письме автор указывал на «тёмное, бесцветное, равнодушное существование России» [Чаадаев, 1991, с. 29]. Можно себе представить, какую реакцию могла вызвать в то время и в тех условиях подобная статья: «Телескоп» был закрыт, редактор подвергнут ссылке, Чаадаев официально объявлен сумасшедшим.

Письмо Чаадаева произвело огромное впечатление на избранные умы молодого поколения. Большая часть мыслящего общества «чувствовала себя оскорбленной реакцией власти» [Секиринский и др., 1995, с. 32]. Внутри русского общества к началу 1840-х годов сложилось новое западническое направление, вполне враждебно относившееся к системе официальной народности и вскоре сделавшееся, несмотря на преследования, властителем дум молодого поколения.

Цензура в то время была такова, что свои идеи западникам приходилось излагать эзоповым языком. К концу десятилетия всякое дальнейшее обсуждение политических и социальных вопросов в печати сделалось невозможным [Корнилов, 1993, с. 223].

Таким образом, пропасть между правительственной и народной идеологией росла и расширялась в течение этого царствования, пожалуй, еще больше, нежели пропасть между правительством и интеллигенцией того времени. Исчерпав запас своей демократичности, власть стала «тормозом общественного развития» [Ланцов, 1995, с. 63].

Реакционные настроения, обосновывавшие правительственный курс после Французской революции 1848 года, незамедлительно отразились на всей внутренней политике. Мгновенно появилась мысль о необходимости сплотить консервативные элементы страны для борьбы со всевозможными разрушительными началами. В официозных изданиях появились статьи о незыблемости крепостного права, а сам П. Д. Киселев заявил своему племяннику Н. А. Милютину, что «вопрос о крестьянах лопнул».

Передовое же общество «зашевелилось и заволновалось при первых известиях о революции 1848 года» [Секиринский и др., 1995, с. 52]. Все кружки были известны друг другу и поддерживали между собой взаимные связи [Там же]. Однако в высших сферах незамедлительно обратили внимание на деятельность «Отечественных записок» и «Современника». Цензура свирепствовала беспощадно. Одно из реакционных мероприятий этого периода — запрещение выезда за границу иначе, как с высочайшего соизволения, которое давалось лишь в самых редких случаях [Корнилов, 1993, с. 224]. Упадок духа и сознание своего полного бессилия перед ужасным гнетом реакции были характерны теперь даже для вполне патристически настроенных людей. «У нас нет недостатка в талантах, — с горечью пишет А. В. Никитенко, — есть молодые люди с благородными стремлениями, способные к усовершенствованию. Но как они могут писать, когда им запрещено мыслить? Основное начало нынешней политики очень просто: одно только то правление твердо, которое основано на страхе; один только тот народ спокоен, который не мыслит» [Никитенко, 2005, с. 171].

С началом Крымской войны общество почувствовало приближение оттепели. Даже в наиболее консервативных его кругах возникают и крепнут оппозиционные настроения. Настроение народных масс было не менее тревожно. Для слишком многих стало очевидным, что крепостное право необходимо срочно отменять и что вся существующая система должна быть подвергнута глубокому реформированию.

Неизвестно, смог ли бы Николай Павлович довести преобразования до конца и подтвердить тем самым правомерность своей власти. Смерть освободила его от необходимости самому ликвидировать свою правительственную систему, несостоятельность которой обнаружилась ко времени его смерти с достаточной очевидностью.

4. Выводы

В царствование Николая I сложилась и действовала целостная смысловая матрица, опиравшаяся на охранительные принципы. Правительственная система императора Николая была одной из самых последовательных попыток сохранения правомерности абсолютной власти. Вопреки широко распространенному взгляду, что политика правительства Николая I была по преимуществу политикой застоя, нужно сказать, что в первой половине XIX века государственный строй продолжал эволюционировать.

Опираясь на традиционалистскую систему ценностей и этатистские представления о взаимоотношении государства и общества, оно предпринимало попытки социального и политического строительства, переделки реальности по своим представлениям о должном. В основе же этих представлений лежали принципы регулярности, замены личностных отношений между государством и обществом бюрократической регламентацией. Последняя строилась на принципе правомерности: сложилась система, при которой власть была ограничена законом, который сама же и создавала, однако, утвердив его, действовала в его рамках. Того же монархия пыталась добиться и от подданных.

Вплоть до конца своего правления Николай оставался в полной уверенности, что назревшие проблемы удастся разрешить секретно-бюрократическим путем. Однако в условиях кризиса крепостнической системы принятые формы «самооправдания» и навязывания обществу охранительно-бюрократической системы смыслов оказались малоэффективными. Вера в чудодейственную силу секретных комитетов и комиссий определялась самой природой российского самодержавия, которому была совершенно чужда опора на общество. Государственная бюрократия отгородилась от всякого общения с живыми силами страны, механизмы обратной связи с обществом оказались неэффективными.

Апелляция к народу с помощью бюрократии и принятой в качестве государственной идеологии «теории официальной народности» не принесла желаемых результатов. Ответом на эти «сигналы» власти была радикализация общественного сознания.

Русское правительство второй четверти XIX века пыталось решить задачу, в основе которой лежало неустранимое противоречие: власть пыталась провести реформы и при этом отказывалась идти на серьезные перемены. Постепенно провалы в экономической сфере, «закручивание гаек» в сфере политической, ужесточение цензуры привели к общественному недовольству. Сочетание традиционной системы смыслов и бюрократического регулирования подошло к своему пределу.

Источники

1. *Никитенко А. В.* Записки и дневник : в 3-х томах / А. В. Никитенко. — Москва : Захаров, 2005. — Т. 1 — 640 с.
2. *Чаадаев П. Я.* Философические письма / П. Я Чаадаев // Избранные сочинения и письма. — Москва : Наука, 1991. — 227 с.

Литература

1. *Гершензон М.* Николай I и его эпоха / М. Гершензон. — Москва : Захаров, 2001. — 629 с.
2. *Зорин А.* Кормя двуглавого орла / А. Зорин. — Москва : Новое литературное обозрение, 2001. — 416 с.
3. *Кизеветтер А. А.* Исторические очерки / А. А. Кизеветтер. — Москва : Территория будущего, 2006. — 443 с.
4. *Кизеветтер А. А.* История России в XIX в. : курс лекций / А. А. Кизеветтер. — Москва : Типография В. И. Воронова, 1916. — 245 с.
5. *Ковалевский М. М.* Из истории государственной власти в России / М. М. Ковалевский. — Москва : РОССПЭН, 2010. — 573 с.
6. *Корнилов А. А.* Курс истории России XIX века / А. А. Корнилов. — Москва : Высшая школа, 1993. — 447 с.
7. *Легитимность и легитимация власти в России* / под ред. С. А. Ланцова, С. М. Елисеева. — Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 1995. — 120 с.
8. *Милюков П. Н.* Интеллигенция и историческая традиция / П. Н. Милюков // Вехи : Сборник статей о русской интеллигенции (1909—1910). — Москва : Молодая гвардия, 1991. — С. 294—381.
9. *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы / С. В. Мироненко. — Москва : Наука, 1989. — 240 с.
10. *Мироненко С. В.* Страницы тайной истории самодержавия. Политическая история России первой половины XIX столетия / С. В. Мироненко. — Москва : Мысль, 1990. — 259 с.
11. *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX века) : в 2-х томах / Б. Н. Миронов. — Санкт-Петербург : Дмитрий Булачин, 2003. — Т. 2. — 206 с.
12. *Секиринский С. С.* Либерализм в России : Очерки истории (середина XIX — начало XX века) / С. С. Секиринский, В. В. Шелохаев. — Москва : Памятники исторической мысли, 1995. — 286 с.
13. *Соколов А. В.* Поколения русской интеллигенции / А. В. Соколов. — Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУП, 2009. — 672 с.
14. *Тарасов Б. Н.* Николай Первый и его время / Б. Н. Тарасов. — Москва : Олма-Пресс, 2000. — 512 с.
15. *Успенский Б. А.* Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры / Б. А. Успенский // Этюды о русской истории. — Санкт-Петербург : Азбука, 2002. — С. 393—413.

16. *Beetham D. The Legitimation of Power* / D. Beetham. — New York : Palgrave, 1991. — 267 p.

Crisis of Power Legitimation in 1825 in Russia and Attempt to Overcome It

© **Kononov Andrey Anatolyevich (2016)**, PhD in History, associate professor, Department of Russian History, Kabardino-Balkar State University named after Kh. M. Berbekov (Nalchik, Russia), homunculus2@yandex.ru.

© **Khachetlova Amina Aslanovna (2016)**, Master's degree student, History Program, Kabardino-Balkar State University named after Kh. M. Berbekov (Nalchik, Russia), amina-hachetlova@mail.ru.

The mechanisms of dialogue between the supreme power and society in Russia in the second quarter of the XIXth century are discussed. The principles of legitimation of political power and the process of social thought transformation are described. It is indicated that the period under consideration is characterized by the ambivalence of the socio-political situation: on the one hand, there was strict censorship and control over all spheres of life of the Russian society; on the other hand, explicit attempts were made to upgrade the socio-economic and political system of Russia. It is noted that during the reign of Nicholas I the government system, relying on defensive principles, was one of the most consistent attempts to preserve the legitimacy of absolute power. At that, despite widely held view about the government of Nicholas I as the politics of stagnation, it is argued that the state system in the first half of the nineteenth century continued to evolve, as attempts were made to change socio-economic situation. However, in the conditions of crisis of feudal system the accepted forms of protective and bureaucratic system of meanings imposed on society, proved ineffective. It is concluded that in the second quarter of XIXth century the internal policy pursued by the government of Nicholas I made a fatal contradiction: the attempt to carry the reforms and at the same time the renunciation of major changes.

Key words: legitimation; crisis of legitimacy; identity; state; conservative course; ideology of official nationality; intelligentsia; government system.

References

- Beetham, David. 1991. *The Legitimation of Power*. New York: Palgrave. 267. (In Engl.).
- Gershenson, M. 2001. *Nikolay I i ego epokha*. Moskva: Zakharov. 629. (In Russ.).
- Kizevetter, A. A. 1916. *Istoriya Rossii v XIX v*. Moskva: Tipografiya V. I. Voronova. 245. (In Russ.).
- Kizevetter, A. A. 2006. *Istoricheskiye ocherki*. Moskva: Territoriya budushchego. 443. (In Russ.).
- Kornilov, A. A. 1993. *Kurs istorii Rossii XIX veka*. Moskva: Vysshaya shkola. 447. (In Russ.).
- Kovalevskiy, M. M. 2010. *Iz istorii gosudarstvennoy vlasti v Rossi*. Moskva: ROSSPEN. 573. (In Russ.).

- Lantsov, S. A., Eliseev, S. M. (eds.). 1995. *Legitimnost' i legitimatsiya vlasti v Rossii*. Sankt-Peterburg: Izd-vo SPbGU. 120. (In Russ.).
- Milyukov, P. N. 1991. *Intelligentsiya i istoricheskaya traditsiya*. In: *Vekhi. Sbornik statey o russkoy intelligentsii (1909—1910)*. Moskva: Molodaya gvardiya. 294—381. (Russ.).
- Mironenko, S. V. 1989. *Samoderzhaviye i reform*. Moskva: Nauka. 240. (In Russ.).
- Mironenko, S. V. 1990. *Stranitsy taynoy istorii samoderzhaviya. Politicheskaya istoriya Rossii pervoy poloviny XIX stoletiya*. Moskva: Mysl'. 259. (In Russ.).
- Mironov, B. N. 2003. *Sotsialnaya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII — nachalo XX veka)*, 2. Sankt-Peterburg: Dmitriy Bulanin. 206. (In Russ.).
- Sekirinskiy, S. S., Shelokhaev, V. V. 1995. *Liberalizm v Rossii: Ocherki istorii (seredina XIX — nachalo XX v.)*. Moskva: Pamyatniki istoricheskoy mysli. 286. (In Russ.).
- Sokolov, A. V. 2009. *Pokoleniya russkoy intelligentsia*. Sankt-Peterburg: Izd-vo SPbGUP. 672. (In Russ.).
- Tarasov, B. N. 2000. *Nikolay Pervyy i ego vremya*. Moskva: Olma-Press. 512. (In Russ.).
- Uspenskiy, B. A. 2002. *Russkaya intelligentsiya kak spetsificheskiy fenomen russkoy kultury*. In: *Etyudy o russkoy istorii*. Sankt-Peterburg: Azbuka. 393—413. (In Russ.).
- Zorin, A. 2001. *Kormya dvuglavogo orla*. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye. 416. (In Russ.).